

— Это невозможно!..

— Тогда решайте скорее. Либо вы вернётесь с нами в Ледяной дворец, либо погибнете здесь вместе со своими любимыми друзьями.

Мужчина, улыбаясь всё так же любезно и даже как-то снисходительно, сказал:

— Что бы вы ни выбрали, маленький господин, мы смиренно примем ваше решение. И не станем перечить.

Мы были в таком глубочайшем недоумении, что даже рты поневоле раскрыли, не в силах вымолвить ни слова. Взрослый мужик, опытный воин, угрожает ребёнку, который намного младше его по возрасту и гораздо меньше по росту? Разве это не по-хулигански, не по-скотски? Другие воины, что пришли с ним, тоже такие же жестокие? Но я ничего не мог сказать, как бы мне не хотелось. Потому что, хоть я и совсем ничего не смыслю ни в уся, ни в воинских хитростях, я прекрасно знал: если напасть на воина — будет очень плохо мне самому. Прямо сейчас, в эту минуту, если этот человек чуть сильнее сдавит пальцы на моей шее, она сломается, как сухая ветка. Ситуация и так серьёзная до крайности, а если ещё и шея сломается — станет ещё серьёзнее, и тогда ни о каком разговоре не может быть и речи. Значит, лучше сидеть тихо и не дёргаться. Я смиренно уставился в земляной пол, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, когда Сольхва наконец произнёс:

— Приходите завтра утром...

— Хм? Вы наконец приняли решение? — уточнил мужчина, чуть прищурившись.

— Да.

— Тогда до завтрашнего утра, маленький господин. Ждём вас.

Довольный полученным ответом, мужчина убрал свои руки, которые до этого сжимали наши тщедушные, тонкие шеи. Он молча кивнул своим подчинённым, увёл их за собой, и они исчезли в мгновение ока, словно растворились в ночном воздухе. Во дворе стало снова тихо, будто их никогда и не было, — только ветер едва шевелил опавшие листья. Сольхва первым пришёл в себя и протянул нам руку.

— Простите меня... ради бога простите.

Я посмотрел на Сольхву снизу вверх, с земли, молча взял его за руку и с трудом поднялся на ноги. Отряхивая пыль с одежды и растирая затекшую шею, я сказал:

— Ты-то в чём виноват? Это те нехорошие люди всё испортили. Ты здесь ни при чём.

— Да, какие же они воины после такого? — Мерён тоже надула губы и проворчала с досадой: — Ворвались в чужой дом среди ночи, перевернули всё вверх дном, угрожают детям — это надо видеть. Фи, смотреть тошно.

Мрачное, напряжённое лицо Сольхвы постепенно просветлело. Он улыбнулся нам обоим и виновато кивнул.

— Правы. Вы совершенно правы. Они и правда негодяи.

— От одной только мысли, что завтра утром я снова увижу их мерзкие лица, меня уже тошнит, — проворчала Мерён, передёргивая плечами.

Я кое-как привёл в порядок двор, превратившийся в настоящие руины после незваных гостей, поднял опрокинутые скамейки и слегка подтолкнул их обоих в спину к дому.

— Давайте зайдём в дом, хватит здесь топтаться. Нужно всё-таки поужинать, сил уже нет.

— Еду надо снова разогревать, — вздохнула Мерён. — К этому времени она давно остыла.

Мы, как обычно, зашли в дом и молча поужинали, почти не разговаривая. После еды, словно по уговору, легли в единственной комнате в ряд на старые циновки. Я всё ещё не мог до конца осознать, что только что произошло. И то, что завтра утром Сольхва должен уехать с этими людьми — тоже не мог. Я машинально погладил по голове Мерён, которая лежала с закрытыми глазами, и тихо позвал:

— Сольхва.

Услышав мой зов, Сольхва тотчас повернул голову в мою сторону, ожидая. Я спросил, стараясь говорить как можно будничнее:

— Подложить тебе руку вместо подушки?

— Да!.. — ответил он, и в голосе его вдруг послышалась та же детская доверчивость, что и раньше.

Сольхва осторожно положил голову на мою руку и снова лёг на спину. Но сон всё равно не шёл ни к кому из нас. «Сколько ещё осталось до рассвета? Три часа? Два?» «Эти люди и правда придут, как только наступит утро? Или раньше?» «Как далеко отсюда Северный дворец? Долго ли добираться?» Я изо всех сил пытался унять этот бешеный хаос в голове, когда Сольхва вдруг тихо, почти шёпотом заговорил.

— Мать с ранних лет зарабатывала на жизнь шитьём, день и ночь просиживала за иглой...

Я продолжал смотреть в тёмный потолок, прислушиваясь к его тихому рассказу, боясь пошевелиться.

— Нельзя сказать, что она жила богато, но мать была более-менее довольна своей жизнью. Она не жаловалась на судьбу. Однажды, когда она шла по улице, она встретила одного мужчину. Он влюбился в неё с первого взгляда, как говорится, как гром среди ясного неба.

«...»

— Тот мужчина стал часто навещать в дом матери и дарить ей дорогие подарки, какие простые люди и в руки не берут. Мать тяготилась этими подарками, они были ей не нужны, но её семья — была рада им. Они ослепли от жадности, потеряли стыд и продали мать этому мужчине, как вещь. Из-за семьи и из-за этого мужчины она стала несчастной на долгие годы.

Я знал, что у него какая-то непростая, тяжёлая семейная история, но не думал, что всё настолько страшно. Быть преданным собственной кровной семьёй — я бы, наверное, не выдержал такого и давно сломался.

— Мужчина изо всех сил пытался завоевать любовь матери, осыпал её подарками, но она даже не смотрела в его сторону. Разозлившись, он запер её в тесной, душной комнате без окон. Мать пыталась покончить с собой — она думала, что это единственный способ выбраться из этого ада. Но скоро ей пришлось отказаться от этой мысли. Она поняла, что беременна мной.

Сольхва рассказывал это с таким же бесстрастным, усталым лицом, как если бы речь шла о ком-то совсем постороннем человеке, которого он видел мельком на улице.

— Мать думала и думала, как бы сбежать от него, освободиться навсегда. И тут неожиданно ей протянули «верёвку для побега», выход. У того мужчины, жадного и алчного до денег, было много врагов — они и предложили помочь ей покинуть Северный дворец. Мать приняла их помощь и сбежала в ту же ночь. Она вышла замуж за местного, простого жителя и думала, что теперь-то наконец заживёт спокойно и счастливо, забыв все прежние муки.